ген, согласно парижской традиции, продолжает указывать Карамзину на новые произведения Шиллера. Летом 1801 г. Карамзин сообщал Вольцогену, что познакомился с «Geisterseher» Шиллера и занимается «tant autres productions de votre littérature» (т. е. немецкой, — У. Л.).[22] Об этих занятиях свидетельствуют также многочисленные переводы с немецкого, помещенные в карамзинских журналах. Карамзин хотел, чтобы Вольцоген ближе узнал «русскую душу». Умудренный опытом путешественник, Карамзин считал, что, знакомясь с каким-либо народом, надо стремиться понять его «душу». Желая помочь в этом Вольцогену, он пригласил его приехать из Петербурга к себе в Москву. Карамзин проектировал, как они с Вольцогеном поговорят о мировой политике и выкурят по трубке. «Venez, mon cher Baron, venez, c'est à Moscou que vous verrez le vrai peuple russe et notre physionomie nationale».[23]

В переписке друзей приняла участие и жена Карамзина. В одном из писем 1804 г. Карамзин с сожалением сообщает, что ее нет в Москве и потому она сейчас не может сама написать Вольцогену.

Важные события того времени, особенно в области литературы, равным образом занимали обоих корреспондентов. Смерть Гердера и Канта поразила Карамзина. Он считал, что ему выпало большое счастье знать их обоих лично («...de les avoir vus tous les deux, et je conserverai leur image au fond de mon âme»).[24]

Подведем итоги. Вольцоген и Карамзин сблизились в эпоху, очень важную в истории русско-немецких литературных отношений. Оба они содействовали дальнейшему развитию и углублению связей между писателями обоих народов. Благодаря Вольцогену сочинения Карамзина приобрели более широкий круг немецких читателей и справедливо завоевали их высокую оценку.

---

[22] Там же, стр. 424.
[23] Там же, стр. 425.
[24] Там же, стр. 435.